

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС

В рамках проекта Центра социального проектирования «Платформа» по изучению экологических политик российских регионов мы публикуем интервью с ведущими «зелёными» активистами в городах нашего исследования. Задача – оценить, как экспертное сообщество воспринимает экологическую ситуацию, какие зоны риска наиболее типичны для российских территорий, как складывается взаимодействие власти и активных групп населения.

*Можно ли вернуть мегаполису образ города-сада? Какие источники наиболее опасны: стационарные или мобильные? **Сергей Костарев**, председатель ассоциации «Экологический комитет», д.ф.н., профессор Омского государственного университета путей сообщения, руководитель проекта «Город решает», изложил «Платформе» свое видение влияния экологии на жизнь человека.*

Сергей Костарев

Город (де) сад

Я считаю, что в Омске напряжённая ситуация с экологией. Проблема заключается в том, что лет 10-15 назад начал формироваться диссонанс – разрыв между официальной статистикой и реальными ощущениями горожан. С одной стороны, в ряде экологических рейтингов Омск вышел в лидеры, мы даже попали в первую десятку лучших городов России. С другой стороны, мы все видели, что окна стали грязнее, дышать труднее, объективные медицинские показатели у нас не очень хорошие. Складывалось впечатление общей грязи, неухоженности и экологических проблем. То есть, своеобразный апофеоз. Долгое время сохранялось мнение, что Омск – город-сад, весь зеленый. А где-то с 2005-2007 годов у нас началась интенсивная вырубка деревьев. Мэр тогда новый пришел, утвердили генеральный план, который подразумевал довольно интенсивную вырубку скверов и

парков под строительство. И несколько десятков скверов вырубали до 2010 года. Для местных жителей это было травматично.

Прирост числа автомобилей

Специфика Омска заключается в том, что есть центр, где идет практически одна магистраль без возможности объехать или свернуть в сторону, поэтому люди проводят часы в пробках, переезжая из одного конца города в другой, живя возле этих магистралей. И мы еще в 1995-1997 годах выясняли методом натурных исследований, что концентрация загрязняющих веществ на автомагистралях, например, на Ленинградской площади в центре города, очень высокая: приборы показывали превышение предельно допустимых норм по окислам азота в 10-15 раз. Эти канцерогены никак не пахнут, но влияние оказывают серьезное. Сейчас автотранспорт лучше стал, чем в 90-е, но даже носом ощущаешь, что загрязнение от автотранспорта очень большое.

Проект «Чистый воздух» – снижение выбросов на 20%

Сейчас местные власти в рамках федерального экологического проекта «Чистый воздух» хотят заставить крупные промышленные предприятия снижать выбросы на 20%. В принципе, они могут это сделать. Но это даст суммарное снижение выбросов только на 10%. Крупная промышленность снижает выбросы самостоятельно, без федеральных программ. Поэтому основное воздействие должно быть направлено на транспорт. А тут, на самом деле, ничего нового не придумаешь, кроме электрического общественного транспорта. В 2012-2014 годах приезжала одна московская компания, рассчитывала стоимость восстановления сети трамвайного движения: за 2 миллиарда рублей они прогнозировали полное воссоздание современного трамвая. Сейчас нам выделяют в десятки раз больше.

1 тонна золы эквивалентна 1 грамму бензапирена

Население традиционно считает, что выбросы от нефтехимии и прочей промышленности очень вредят здоровью. Это стереотипы, а есть реальное положение дел. К примеру, если брать трубы промышленных предприятий, то их дым виден издали. Хотя на самом деле та же ТЭЦ-4, ТЭЦ-3 или ТЭЦ-5, если что и выбрасывает над городом, то очень высоко. То есть, вреда от нее для конкретного человека довольно мало. Машина, которая газует рядом во дворе или на остановке, где стоишь, значительно вреднее. К примеру, я живу в стороне от магистрали, и когда зимой во двор заходишь – снег белый. А если выходишь ближе к дороге, даже не рядом, а в десятках метров от нее, и никаких заграждений не стоит, то снег черный, с вкраплениями. И вся эта грязь в легкие попадает. Если говорить про золу с точки зрения химической токсичности, это значительно менее опасное вещество, чем окислы азота или сероводород, бензапирен, которого в Омске через край. Потому что выброс тонны золы равен по вреду выбросу 1 грамма бензапирена. Скорее всего, это выбросы от сжигания некачественного топлива в частном секторе.

Серая зона – опасная зона

Недавно в Омске закрыли предприятие: у них сгорел цех по производству канифоли. На него два или три раза за прошлый год люди жаловались. И в данном случае его поймали, потому что оно маленькое, воняло сильно и постоянно – туда приехали, замерили, и нашли превышение норм. Оказывается, предприятие не имело никаких разрешений в принципе, ни экологических, ни технологических, и никто его не останавливал до этого. И я думаю, что таких предприятий сотни. У нас большая зона, промышленная, и там в аренду сдают помещения для мелких производств. Единственный способ следить за выбросами – установка поточного или автоматического мониторинга прямо на источнике выбросов, чтобы это регистрировалось, и постоянно тестировалось на каком-то независимом ресурсе.

То же самое можно сказать и о частном секторе. Вонь стоит невообразимая, когда печку растапливают. Я вижу, что они топят резиной и чем только не топят. Но проблема не зафиксирована. То есть, никто не проводил исследований, чтобы установить уровень вреда. Тут путь очень длинный, через воздействие, в том числе, на соседей, и принятие мер убеждающего характера. Я довольно долго боролся у себя во дворе со сжиганием листвы. Подходил и говорил: «Вы понимаете, что это тот же бензапирен, и вы помрете на 20 лет раньше». Люди мне не верили, но со временем были введены запреты и, в конце концов, листвя жечь перестали.

Переработка промышленных отходов

У нас зольных отвалов 70-90 млн тонн. Причем, зола хорошего качества и лежит в одном месте. На самом деле еще в 90-е была разработана омская технология по строительству дорог, так скажем, из золы. И несколько километров построили – получилось очень качественно. Но сотрудники компании-разработчики говорили, что им не заказывают такие дороги, потому что они слишком долго стоят: 50-70 лет не ломаются. Плюс была технология, которая смешивала золу и так называемый подмыльный щелок – отход при производстве стирального порошка Лотос. Смешивание создавало очень жесткую цементную стяжку, которая лучше бетона схватывалась. Однако и эта технология не пошла. А сейчас завод золоаглопоритового гравия уже лет 30 строится. Проблема в чем? Наше законодательство в сфере охраны окружающей среды очень жестко подходит к использованию отходов. Если ты произвел отход, то ничего не можешь с ним сделать, кроме как передать на захоронение или утилизацию. То есть, ТЭЦ не может производить материал для строительства. По закону энергетики не могут никуда деть золу, кроме как в отход. А что дальше – непонятно. Если бы законодательно разрешили производить золу как строительный материал, можно было бы ее легко применить. Тут проблема нормативная.

ВИЭ не выход

В Омске провели «эксперимент» с заводом поликристаллического кремния. Когда бизнесмены Сутягинские хотели построить завод для производства сырья для солнечных батарей, ему не дали, так как технология была старая и опасная. Еще в ветроэнергетике был человек, который изобрел вертикальный генератор со спецэффектом – он мог 5 киловатт производить, и дешево стоил. Но что-то не пошло. И теперь про этот проект не говорят. Да и спецпрограмм поддержки ВИЭ у нас нет.

Роль населения и общественных объединений в экологической политике

Власть по-разному относится к экологическим активистам. Иногда идет на контакт, иногда нет. Прошлым летом мы воссоздали «Содружество омских экологов», написали письмо во все органы власти, предложили помощь экспертного сообщества в вопросе переработки твердых бытовых отходов. В ответ нашу инициативу раскритиковали. Мы входим в их советы по экологии: они нас слушают и делают все наоборот. Мы защищаем парки и скверы, они нас один раз поддерживают, другой нет, – по непонятным причинам.

У нас работал довольно долго и эффективно Общественный координационный совет при мэре города. Там была секция по экологии: советник мэра Ринат Валитов раз в квартал собирал всех экологов и возил на ОНПЗ, Омсктехуглерод, на водоканал, – мы общались с директорами, главными инженерами, нам все показывали и объясняли. Потом он на пенсию ушел, и хорошее начинание закончилось.

Урбанистическое развитие

Сам по себе генеральный план 2007 года был абсолютно антиэкологичный, как будто специально против нормальной окружающей среды. Если в центре города есть бывшие торговые склады – большой участок озелененной территории, то вместо него, называя это озеленением, хотели на две третьих строить

высотную застройку, и только треть этого парка оставить. Природную основу в этом генеральном плане убрали полностью. Вдоль больших трасс в направлении области было бы логично построить жилые микрорайоны, а их предложили делать внутри города, на месте деревьев и газонов. А в конце 2018 года объявили тендер на разработку нового генплана. Но что-то не срослось, и они все прекратили, написали, что денег нет, поэтому будут только модифицировать план 2007 года. Никаких новых концептуальных решений не предполагается. С таким генпланом мы не вернем Омску славу «города-сада».